

Единственная встреча

(Из цикла «Раздумья над автографами»)

Об Александре Яшине написано столько, что кажется кощунством рассказывать об одной-единственной встрече с ним. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Автограф Яшина, тоже единственный, на книжке «Сирота», изданной в 1963 году в издательстве «Молодая гвардия», помогает точно, восстановить дату встречи — 28 августа 1967 года. В тот день в захолустный районный центр Вашкинского района Липин Бор прибыл теплоход с писателями, многие из которых были мне хорошо знакомы по томским и вологодским встречам. Это был именно тот теплоход, который Николай Рубцов чуть позднее назовет «последним пароходом» в одноименном стихотворении, посвященном Александру Яшину.

Я встречал теплоход на пристани, на длинном бетонном пирсе, узкой полосой вдававшемся в гладь Белого озера. Тепло по-здравовался с Василием Беловым, Николаем Рубцовым, Александром Романовым, Виктором Коротаевым.

Яшина мне показали издали: высокий, тощий, костистый, с рыжеватыми усами и близорукими добрыми глазами.

Я уже многое знал об этом человеке по рассказам его друзей. Знал, что он предельно искренен, но может быть язвительным и жестким с теми, кто ему не понравится. По слухам, он любил мистифицировать московскую публику, совершенно не знающую деревни. Начнет, к примеру, описывать деревенскую баню, все скажет: и какая там каменка, и как вытяжка дымовая устроена. Слушатели заворожены — язык у рассказчика сочный, детали живописные. А Яшин все с тем же серьезным видом продолжает:

— Ставят бани обычно среди деревни, окна у них широкие, светлые. Сперва ребята сбегают вымоятся, потом девки, а ребята уж тут как тут, так и прилипнут к стеколышкам...

Только тут изумленные слушатели догадываются, что их провели. Впрочем, за достоверность рассказа не ручаюсь: мало ли что можно услышать о знаменитом человеке!

В конце своего выступления на вечере Яшин заговорил об отношении писателя к литературе и совершенно неожиданно обрушился... на меня!

— Сегодня мне Вася Белов рассказал, что есть у вас редактор газеты, который мог бы писать, да вот променял писательское дело на редакторскую должность. Думаю, что он не раз еще вспомнит это отступничество...

Я был возмущен и обижен. Ведь я-то далеко не был уверен, что могу писать, первые пробы пера оказались неудачными. А потом, разве мало литераторов, даже талантливых, работает редакторами газет и журналов!

— Ты извини, Яшин меня просто не понял, — сказал в перерыве Белов. — Вовсе я не то имел в виду, рассказывая о тебе. И не обижайся. Давай подойдем к нему, познакомишься.

Я краснел и бледнел, сжимая в руках яшинскую книжку. Однако пошел. Василий Белов представил меня поэту.

— Не обиделся? — спросил Яшин, протягивая руку и ласково на меня поглядывая. — Может, резковато сорвалось у меня в запале...

— Что уж делать...

Он взял из моих рук свою книжку, полистал.

— Ты хоть читал ее?

— А как же!

— Ни одной пометки нет. Я, когда книгу читаю, всю исчеркаю, вдоль и поперек...

И подписал: «Василию Елесину. Желаю творческих удач. Александр Яшин. 28 августа 67 г.»

Этот автограф — один из самых дорогих для меня.

После литературного вечера состоялся банкет. Он проходил тихо и грустно, без привычных в таких случаях тостов и здравиц. Яшин сидел озабоченный, угрюмый, усталый. Его попросили прочитать стихи, и он, неожиданно для всех, а уж тем более для «отцов» поселка, начал читать стихи о собаке, которая когда-то охраняла лагерь заключенных, а с ликвидацией его скрылась в лес и одичала. На месте лагеря вырос город. И вот на первомайской демонстрации обочь колонны появляется овчарка, следя, чтобы никто не нарушил строя...

Предрик и секретарь райкома поеживались: слишком уж необычным по тем временам было стихотворение...

Затем все проводили Яшина на теплоход.

Василий ЕЛЕСИН.